

Социопрагматика табу и эвфемизмов

Издrevле люди стремились назвать вещи своими именами, но одновременно в силу различных культурных и социальных причин создавали многочисленные запреты на использование исконных названий. Суть этих запретов-табу с тех пор не изменилась, но с развитием общества в парадигму табуированных понятий вовлекаются все новые и новые реалии, ставшие неуютными той или иной социальной общности людей, партии, группе. Одновременно происходит и снятие некоторых запретов.

Ключевые слова: табу, эвфемизм, социопрагматика, коннотация

Табу как языковой знак с нулевым экспонентом (слово произносить и писать нельзя) актуализируется через свою параллель – эвфемизм. Таким образом, прагматика знака-табу оказывается двунаправленной: с одной стороны, исключается прямое упоминание неуютного объекта, явления, личности, качества, а с другой – иносказательное выражение имплицитно, а значит, и с особой прагматической силой отсылает человека к этому самому объекту, но уже через призму оценочности иносказания-эвфемизма [3]. Прагматика эвфемизма задается социальными условиями его функционирования. Это могут быть и общесоциальные условия, свойственные всем людям (это касается табуирования понятий из таких сфер, как смерть, отношения полов), и социальные условия отдельно взятой общности (сюда относится запрет на упоминание политических деятелей, именование социальных явлений, таких как *революция, агрессия, порабощение* и т. д.). Есть табу, действующие в рамках профессиональной группы (врачебные, военные). Особую группу образуют табу, созданные преступными группами людей: ворами, киллерами, хакерами. Таким образом, очевидно, что говорить о специфике функционирования табу можно только с позиций социопрагматики, ибо только социально-культурный контекст позволяет вскрыть прагматику табу и существующих параллельно с ним эвфемизмов.

Все табу можно разделить на две группы: денотативные и коннотативные.

Денотативные табу обусловлены запретом на прямую номинацию таких понятий из таких сфер, как смерть, нечистая сила, половые отношения и части тела, связанные с ними. Приведем примеры эвфемизмов: *ушел, потеряли, лишились* и т. п. (вместо «умер»); *косая* (вместо «смерть»); *не к ночи будь помянут* («черт»); *связь, тесное общение, познакомиться поближе* («половые отношения»); *пониже спины, ноги* и пр. (табуированные слова, обозначающие определенные части тела).

Здесь же отметим, что для описания сферы половых отношений в художественной литературе используется огромное количество метафорических эвфемизмов: *прелесть женщины, огонь, бурлящий поток* и т. п.

Группу денотативных табу можно разделить по сферам употребления: 1) табу обыденные, общепринятые (см. примеры выше) и 2) табу специальные: политические, профессиональные. О политических табу следует говорить особо, поскольку быстро изменяющийся социально-политический контекст заставляет людей буквально вычеркивать из узуса некоторые имена (*Троцкий, Бухарин, Рудзутак, Зиновьев, Каменев*), заменять прямые номинации эвфемизмами: *революция* – восстание, мятеж; *протест* – беспорядки, волнения; *инфляция* – изменение курса рубля; *органы государственной безопасности* – органы, контора; *расстрел* – десять лет без права переписки.

Широко используются эвфемизмы, заменяющие денотативные табу, в различных профессиональных сферах. Приведем примеры:

– в сфере медицины: раковая опухоль – *новообразование*, летальный исход – *всё возможно*, ампутация – *надо убрать возможность распространения болезни*;

– в сфере бизнеса: обмануть, дать взятку – *решить дела, договориться*; спекулировать – *оправдать затраты*; дать деньги в кредит – *помочь*, взятка – *благодарность, подарок*; вымогательство, рэкет – *защита*.

Группа эвфемизмов, заменяющих слова «взятка», «незаконно высокий процент», «деньги», огромна и отражает неблагоприятное положение вещей в деловых кругах. Некоторые из приведенных эвфемизмов являются сленговыми образованиями. Полагаем, что и сленг в значительной степени эвфемизирован, причем очень часто не ясны основания использования той или иной лексемы вместо исконного имени, например: *забить стрелку* (встреча), *клевый* (хороший), *колбасить* (получать удовольствие). Стремление к непонятности используемых в речи слов свойственно всем «тайным» арготированным языкам.

Коннотативные табу связаны с запретом на передачу положительного или отрицательного смысла того или иного явления. Они возникают в полной зависимости от трансформируемых социальных условий. Переакцентуация ценностных параметров табуированного понятия, вплоть до замены «знака» прагманарправленности языковой единицы, происходит посредством изменения привычного словосочетания: табуированного теперь понятия и нового прилагательного-атрибута. Прилагательное выступает актуализатором коннотации, входящей, по мысли употребляющего слово, в состав его семантики.

Например, в советский период дата «7 ноября» несла в себе положительный смысл, отсюда и определение «славная» (*славная дата*), та же семантика была характерна и для понятия «революция», с этим словом употреблялось прилагательное «великая». В изменившейся социальной ситуации все,

что связано с Октябрьской революцией 2017 года, лишается положительных смыслов. Вступает в силу негласный узуальный запрет. Оценка данных явлений знаком «плюс» табуируется, в употребление входят дисфемизмы, умаляющие ценность понятий, ранее перевозносившихся: соратники Ленина – *сторонники* Ленина, освобождение от гнета – *оккупация* Прибалтики, распространение языка – *насаждение* языка. Приведенные пары примеров отчетливо показывают полярность социума и, соответственно, двойную социопрагматику языковых единиц [1].

Соккрытие смысла называемого объекта возможно и посредством употребления положительно-оценочных слов в качестве определений явно социально негативных объектов, таких как «бомба», «война», «уран». Например: *чистая* бомба (не несущая угрозы), *справедливая* война (оправданная, законная), *обедненный* уран (не вредный).

Отношения между понятиями, на упоминание которых наложен запрет-табу, и соответствующим иносказанием-эвфемизмом могут быть: а) гипогиперонимичными, б) синонимичными, в) метафорическими и г) метонимическими.

Гипо-гиперонимичность отношений между словом-табу и эвфемизмом обусловлена стремлением снизить или повысить социопрагматическую ценность описываемого объекта. Например: *восстание, мятеж* (гипоним) – *революция* (гипероним) [2].

Синонимичность может быть идеографической: *разведчик* – *шпион*, *нарушение закона* – *преступление*; стилистической: *врачеватели* – *врачи*, *недовольные* – *бунтари*, *восставшие*. Налицо изменение оценочной стороны прагматики таких эвфемизмов.

Как уже было замечено, метафорических эвфемизмов много в описаниях половых отношений, телесности: *слияние потоков рек*, *расцвет души*. Выделяются и узкоспециальные эвфемизмы, основанные на метафоре: *белая смерть* – героин, *белая стрела* – заказное убийство, *быки и медведи* – игроки на бирже.

Метонимические эвфемизмы, называя реальную часть предмета или его продукт, умалчивают об остальной его части, являющейся сутью, о которой человек открыто говорить не хочет: *массажный кабинет, салон, сауна* – дом свиданий; *травка* – наркотик; *груз 200* – гроб с телом погибшего на войне.

Табуированное понятие может и не заменяться полнозначной лексемой. Вместо него могут использоваться личные, притяжательные или указательные местоимения: *он, сам, они, мы, наши, твоя, твой, свои, про это*.

Литература

1. Грудева Е. А. Концепты в формировании культурно-языковой компетенции // Лингвистическое образование как реализация социального заказа общества: мате-

риалы межрегион. конф., посвящ. 10-летию факультета романо-германских языков. Ставрополь, 2008. С. 88–91.

2. Грудева Е. А. Концепты *лето* и *осень* в разноязычных культурах (когниолингвистический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ставропол. гос. ун-т. Ставрополь, 2011.

3. Gumpertz John. Contextualization and Understanding // Re-thinking context: language as an interactive phenomenon. 1992. P. 229–252.

УДК 811.81'44

*А. В. Зураева, В. В. Зураева (Владикавказ, Россия)
Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова*

«Синестезия» в зеркале лингвистических исследований

Статья отражает механизмы функционирования такого явления, как «синестезия», в зеркале лингвистических исследований. Необходимость обращения к прилагательным вызвана богатством их лексико-семантических функций в структуре французского языка, известных под определением «синестетические».

Ключевые слова: синестетический, ассоциация, признак, эмоция

Известно, что имя прилагательное является самостоятельной частью речи, указывающей на признак предмета, придавая ему (признаку) характерную выразительность в его семантических интерпретациях. Многообразие качественных признаков этой части речи не перестает привлекать внимание лингвистов и расширять спектр научных исследований на материале разных языков. В науке понятие «синестезия» обозначает процесс межчувственных ассоциаций, возникающих благодаря переносу различного рода ощущений, воспринимаемых органами чувств (обоняния, осязания). Следовательно, речь пойдет о прилагательных, принимающих участие в описании эмоциональной реакции человека на что-либо увиденное, услышанное или осязаемое.

Изначально синестезия рассматривалась как психофизиологический феномен, но с начала 90-х годов XX века она вызывает активный интерес и в лингвистических исследованиях. Мы рассмотрели механизмы функционирования этого понятия в контексте лингвистических исследований, а также попытались подтвердить пути реализации синестетических переносов прилагательных иллюстративным материалом.

В лингвистике термином «синестезия» обозначается как сам процесс межчувственных ассоциаций, так и его результаты, то есть речь идет о лексических единицах, построенных на переносе обозначений различных ощущений, переходящих с одного органа чувств на другой.